

**ОТЗЫВ официального оппонента
доктора филологических наук
доцента кафедры истории журналистики
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
Балашовой Юлии Борисовны
на диссертацию Соповой Анны Сергеевны
«Системность медийной публицистики А. И. Солженицына в газетно-
журнальных изданиях 2000 – 2014 гг.», представленную на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.10 – журналистика**

Масштаб личности и судьба Александра Исаевича Солженицына не просто ставят его в один ряд с самыми значительными мыслителями и общественными деятелями России, но переводят «феномен Солженицына» в глубоко символическую плоскость. В оценке творчества и жизнетворчества А. И. Солженицына ещё при его жизни была актуализирована та традиция, которая формирует образ писателя-проповедника, пророка: это и древнерусское учительство, и мессианские интенции классической русской литературы, и толстовские искания «жизни не по лжи». Солженицына принято относить к классикам «первого ряда», по влиянию на общественное сознание не уступающего Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому. При этом как истинный классик Солженицын был и, вероятно, всегда останется в значительной мере «неудобным», «выпадающим» из доминирующих на разных этапах жизни общества идеологических клише. Как это ни парадоксально, оценки значения Солженицына до сих пор во многом встраиваются в идеологическую парадигму, сложившуюся ещё в советское время: от сакрализации и канонизации в диссидентских кругах, приведших к прижизненному культу Солженицына, до яростного развенчания и разоблачения. Споры вокруг Солженицына не просто не утихают и по сей день, но разгораются с новой остротой. Достаточно вспомнить недавние резонансные выступления главного редактора «Литературной газеты» Юрия Полякова с идеологической критикой Солженицына, последовавшая реакция в защиту со стороны Натальи Дмитриевны Солженицыной, и сопровождающая эту полемику, вылившаяся на просторы интернета, очередная волна инвектив, причём откровенно клеветнических, причисляющих Солженицына к национал-предателям. На основе отношения к Солженицыну принято проводить демаркационную линию между разными лагерями и позициями; имя Солженицына продолжает активно использоваться в общественно-политическом дискурсе и пиаре.

Приходится констатировать тот факт, что в общественном сознании так и не сложился взвешенный образ А. И. Солженицына, причём исследователи творческого наследия Солженицына как писателя и публициста отнюдь не всегда проясняют его феноменологию. В основном предметом анализа выступает солженицынская художественная идеология, система взглядов, выраженная в прямых и опосредованных высказываниях, но не миф о Солженицыне и не миф, созданный самим Солженицыным. Тем не менее именно на восприятие символично-мифологической стороны и ориентировано массовое сознание. В наследии Солженицына, безусловно, наименее изучен последний период его творческого и жизненного пути, в отношении которого ещё не сложилась историческая дистанция. Сказанное заставляет полностью согласиться с тем, что тема кандидатской диссертации А. С. Соповой действительно нова и актуальна.

Нельзя также не поддержать одну из исходных позиций диссертанта, в соответствии с которой тексты Солженицына глубинно медиатизированы, и они продолжают оказывать влияние на общественно-политический и философско-публицистический медиадискурс.

Наиболее важна первая глава диссертации *«Феномен публицистики А. И. Солженицына в информационной культуре начала XXI века»*, задающая ракурс рассмотрения материала. Анна Сергеевна совершенно справедливо и обоснованно пишет о том, что Солженицын стремился активно воздействовать на аудиторию. Действительно, концепция слова, изменяющего мир, усвоена писателем из традиционалистской культуры через классический период русской литературы. Творческий метод Солженицына формировался в то время, когда благодаря сначала разрешённой советской, а затем – полуофициальной («шестидесятники») и неофициальной (самиздатовской) литературе слово как таковое не воспринималось вне своего художественного звучания, а сам институт литературы выступал для советских людей важнейшим инструментом моделирования мира. В период «оттепели», эксплицировавшей лагерную тему и её главного творца – Солженицына, особенно отчётливо проявила себя типичная для российской почвы тесная связь литературного и журналистского дискурса. Исконная тяга Солженицына к публицистическим пророчествам воплощалась на пути литературных исканий. Мастерство писателя с течением времени перешло в чисто публицистическую плоскость. Говоря о характерных публицистических приёмах Солженицына, А. С. Сопова справедливо выделяет особую авторскую позицию (конструирование проповеднической речи от собирательного лица), стремление к синтезу научности и художественности, публицистической тенденциозности и историзма, языковой эксперимент, наконец, профилирующую установку

побудительного воздействия на ценностные ориентиры аудитории. А. С. Сопова приходит к вполне доказательному выводу, в соответствии с которым Солженицыну удалось создать внутри медийного пространства собственную информационную модель. Диссертант показывает, что на последнем этапе творческого пути медиатексты Солженицына (различные выступления в прессе: интервью, беседы, манифесты, реплики, призывы, политические завещания, воззвания) претерпели определённую адаптацию к сетевому пространству СМИ с его требованием сжатости и поликодовости.

Название второй главы работы: *«Системность медийных публицистических текстов А. И. Солженицына в отечественном и зарубежном газетно-журнальном процессе»* – перекликается с формулировкой темы самой диссертации, возводящей во главу угла признак системности. Системообразующим фактором, с точки зрения диссертанта, выступает нравственно-идеологическая основа публицистики писателя. На основе выделения идеологических блоков публицистики Солженицына: «мир и насилие», «зона власти», «сплетение наций», земля, хозяйство, провинция, «новоязычное сознание», безнациональный советский патриотизм, образование – Анна Сергеевна справедливо делает вывод о том, что позиция Солженицына не вписывалась ни в одну политическую систему. Диссертант ссылается на очень точные слова одного из наиболее ярких представителей «нового реализма» – писателя и журналиста Сергея Шаргунова: «Солженицын не разделяет ни прозападных настроений, ни просоветских. Это острый взгляд одиночки» (с. 121). Позиция Солженицына в отношении первопричин ситуации, приведшей «Россию к обвалу», истолкована диссертантом совершенно верно – это недавнее историческое прошлое страны. Анна Сергеевна также не проходит мимо прогностических аспектов медиатекстов Солженицына.

В третьей главе *«Текстообразующие свойства публицистических произведений А. И. Солженицына»* диссертант вновь обращается к дискурсивным практикам Солженицына и – шире – теоретическим аспектам медийной коммуникации. Собственно, здесь в центре внимания – речевое и дискурсивное конструирование тех идеологических доминант, которые были выделены в предыдущих главах. При этом наследие Солженицына рассматривается как единый текст с устойчивым тематическим репертуаром. Вариативность репрезентации центральных для Солженицына тем обусловлена конкретной экстралингвистической ситуацией и дискурсивной стратегией. Диссертант подчёркивает высокую степень авторефлексивности публицистических текстов Солженицына, стремящегося выразить полифоническое народное сознание, растворить индивидуальное в коллективном.

Таким образом, в своей кандидатской диссертации А. С. Сопова демонстрирует высокий уровень теоретической подготовки и погружения в материал. Работа, безусловно, состоялась; она вносит вклад в изучение публицистического наследия А. И. Солженицына и – шире – современной публицистики и отчасти – медиакритики.

Переходя к собственно критической части отзыва, не можем не остановиться на одном из, к сожалению, не единичных, курьёзных моментов диссертации. Так, на стр. 86 содержится следующее утверждение: *«В своей книге «Двести лет вместе» (о русско-еврейском вопросе) он [т.е. Солженицын] попытался призвать «обе стороны – и русскую, и еврейскую – к терпеливому взаимопониманию...», так как с обеих сторон есть читатели высокого интеллектуального и морального уровня, которые так и восприняли книгу»*. Достаточно указать на книгу известного литературного критика и писателя Бенедикта Сарнова «Феномен Солженицына» (М., 2012), а также на публичные выступления последнего, чтобы сильно усомниться в справедливости заявленного бесконфликтного восприятия приведённой, одной из наиболее спорных, книг Солженицына. Кстати, указанную критическую в отношении Солженицына книгу Б. Сарнова диссертант почему-то вовсе не использует в своей работе.

С учётом общей – положительной – оценки работы, выскажем несколько замечаний, представляющихся нам, тем не менее, весьма принципиальными.

1) В филологической работе её автор явно в недостаточной степени опирается на анализ текстов. Основной метод аргументации, используемый в диссертации, состоит в череде апелляций к авторитетным, с точки зрения А. С. Саповой, мнениям. Обобщающие суждения в работе нередко выводятся из отвлечённо-теоретических рассуждений и не подкреплены непосредственным анализом солженицынских медиатекстов. В диссертации довольно подробно характеризуется целый ряд дефиниций, обстоятельное теоретическое обоснование которых представляется излишним. Они связаны прежде всего с теорией коммуникации, например: текст / дискурс; структура коммуникативного акта; виды коммуникации; «семантическая, синтаксическая, прагматическая адекватность восприятию читательской аудитории» и пр. – и, как результат, такого рода дефиниции мало «работают» на практике.

Погрешность подхода диссертанта проявляется и в том, что Анна Сергеевна лишь фрагментарно ссылается на позицию оппонентов Солженицына. Тем не менее в одном из выводов Анна Сергеевна справедливо отмечает: «Критические оценки его гражданской позиции противоречивы» (с. 132), однако из текста работы заявленный тезис не

выводится. Личность и наследие Солженицына обретают в диссертации канонические черты, что, кстати сказать, не способствует сохранению исторической памяти. В стилистической манере, более свойственной монументальному историзму, Анна Сергеевна нередко использует чисто риторически конструкции следующего типа: «Солженицын как всегда объективно...».

Между тем критика в адрес Солженицына активно звучала из среды всё тех же диссидентов, например, таких крупнейших социальных писателей, как Александр Зиновьев и Владимир Войнович. На стр. 125 диссертант ссылается по позицию Григория Померанца: *«Философ и культуролог Г. Померанц скорее оппонирует Солженицыну [не хватает запятой перед последующим союзом. – Ю. Б.] нежели соглашается с ним. Он пишет: «Мне показалось, что автор этой статьи («Как нам обустроить Россию?») не раз сам себе противоречит».* Замечание Померанца дополнительно указывает на тот факт, что публицистика Солженицына действительно полна противоречий, и это свойство, скорее всего, в данном случае стоит отнести к «природообразующим» (в соответствии с формулировкой диссертанта). Далее, на стр. 130-131 представлены контуры полемики: Ю. Поляков vs. Н. Солженицына. Аргументом здесь, с позиций диссертанта, вновь выступает фактор авторитетности тех или иных высказываний. Соглашаясь с автором работы в плане поддержки «партии Солженицына» в этой дискуссии, хотелось бы заметить, что в научной работе значима опора именно на анализ текстов, а не каталогизацию авторитетных суждений, что более свойственно схоластическому или богословскому, нежели собственно научному, филологическому дискурсу. Недаром при обозначении методов исследования на первой позиции почему-то заявлен социологический метод (реализацию которого можно усмотреть лишь в статистическом приложении), а на второй позиции фигурирует историко-журналистский метод, хотя такового метода просто не существует (так же, как не бывает теоретико-журналистского или историко-литературного метода; это обозначение направления, проблемной области исследований).

Выявленные «болевы́е точки» диссертации (слабая опора на анализ текстов и редуцированность альтернативных позиций) создают негативный эффект не разведённости слова самого Солженицына и слова о Солженицыне; они начинают сливаться в своего рода единый морализаторский свертхтекст.

2) В тексте диссертации крайне неотчётливо прослеживается логика развёртывания проблематики работы. Фактически диссертант говорит об одном и том же, используя различную выборку цитат. Доказательство тому – довольно многочисленные контекстуальные повторы. Так, в заключительном

параграфе первой главы «Рецепция авторской индивидуальности А. И. Солженицына в медийной публицистике 2000–2008 гг.» в качестве выводов из параграфа читаем:

«Рассмотрим понятие феномен солженицынского публицистического текста, особое внимание при этом обратив на многоаспектность самого понятия текст и его характеристики. Исследуя тесты Солженицына как речевые произведения, необходимо отметить, что они являются носителями определенной заложенной в них информации, содержащей новизну и направленную во вне [наречие “вовне” пишется слитно. – Ю. Б.] на потребление читательской аудиторией. Необходимо так же [здесь “также” в значении союза, пишется слитно. – Ю. Б.] отметить, что важную роль в изучении текста играют исследования его функционального аспекта. При этом изучение возможных вариантов поиска наиболее оптимальной формы организации речевого сообщения, а также вариантов кодирования и декодирования содержащейся в текстовом сообщении информации. Текст обладает определенной смысловой последовательностью, выраженной в соответствующем единстве знаковых единиц, преобладающими свойствами которых являются связность, целостность, совершенство речевого акта. Другим аспектом, которым необходимо руководствоваться при научном рассмотрении публицистических текстов, является прагматический аспект, который тесным образом взаимосвязан с функциональным аспектом» (с. 60).

Приведённая объёмная цитата, во-первых, непосредственно не связана с проблематикой параграфа, а, во-вторых, аналогичные чисто теоретические позиции подробно рассматриваются в третьей главе работы, вновь возвращающей к понятиям медиатекста и публицистического текста, охарактеризованным ещё в первой главе. В результате нивелируется динамика развёртывания текста диссертации; мысль, что называется, «топчется на месте».

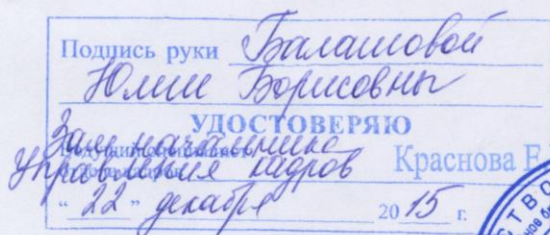
Говоря о диссертации в целом, тем не менее можно констатировать, что Анна Сергеевна Сопова решила выдвинутые задачи и достигла заявленной цели исследования. Автореферат в полной мере отражают основное содержание диссертации. А. С. Соповой был изучен и систематизирован репрезентативный пласт газетно-журнальных публикаций А. И. Солженицына, изданных с 2000 по 2014 год. Одновременно диссертант выявил и представил основной вектор медийной рецепции наследия Солженицына, включая малоизвестные материалы региональной кубанской прессы. Диссертация Анны Сергеевны Соповой расширяет существующие представления о новейшей публицистике как таковой, а также современном медийном дискурсе.

Диссертация Анны Сергеевны Соповой «Системность медийной публицистики А. И. Солженицына в газетно-журнальных изданиях 2000 – 2014 гг.» соответствует необходимым требованиям, предъявляемым к работам, представленным на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а её автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика.

22.12.2015

Доктор филологических наук (специальность 10.01.10 – журналистика),
доцент кафедры истории журналистики
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
(199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 26, тел. (812)323-3357)

Ю. Б. Балашова

С отрывом ознакомлена
30.12.2015.
Александр